
КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

COMMUNICATIVE LINGUISTICS, PRAGMALINGUISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 51—56. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):51-56. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 81'1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10307

РЕЧЕВОЙ СТЕРЕОТИП В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Татьяна Александровна Воронцова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, voron500@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается функционирование речевых стереотипов в диалогической коммуникации. Прагматический потенциал речевых стереотипов в диалоге определяется такими параметрами, как способность выполнять функцию самостоятельной реплики в диалоге, прагматическая универсальность; содержательная аксиоматичность для адресанта и адресата, относительная формальная устойчивость. Этим параметрам соответствуют три разновидности речевых стереотипов: «общие места»; тавтологические дефиниции и банальные цитаты. Данные речевые стереотипы выступают в диалоге в качестве реплики-реакции и в зависимости от типа коммуникативного взаимодействия могут решать различные коммуникативные задачи, реализуя соответствующие интенции адресанта: в неконфликтной коммуникации это сигнал смены референта и уход от коммуникативного конфликта, в агрессивном речевом поведении это способ захвата коммуникативной инициативы с целью вытеснения адресата из коммуникативного пространства.

Ключевые слова: речевой стереотип, диалогическая коммуникация, адресант, адресат, интенция

Для цитирования: Воронцова Т. А. Речевой стереотип в диалогической коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 51—56. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10307.

Original article

SPEECH STEREOTYPES IN DIALOGIC COMMUNICATION

Tatyana A. Vorontsova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, voron500@yandex.ru

Abstract. The functioning of speech stereotypes in dialogue communication is viewed in the article. Pragmatic potential of speech stereotypes in the dialogue is defined by such parameters as the ability to perform the function of independent line in the dialogue, i. e. to represent a completed statement that has a structure of a complete sentence; pragmatic universality as the ability to be used in various communicative situations; axiomatic meaningfulness for addresser and addressee; relative formal stability. Three types of stereotypes meet these parameters: 1) general places; 2) tautological units; 3) banal citations. The given speech stereotypes are used in the dialogue as reaction lines, and depending on the type of communicative interaction they can solve different communicative tasks realizing corresponding intentions of the addresser: in non-conflict communication it is a signal to change the referent and to avoid communicative conflict, in aggressive speech behavior it is the capture method of communicative initiative in order to displace the addressee from communicative space.

Keywords: speech stereotype, dialogue communication, addresser, addressee, intention

For citation: Vorontsova TA. Speech stereotypes in dialogic communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):51-56. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10307.

Понятие *речевой стереотип* активно используется в лингвистических исследованиях, однако трактуется весьма неоднозначно. В лингвистических словарях речевой стереотип, как правило, не имеет самостоятельного терминологического статуса и рассматривается в одном ряду с термином *клише* [3; 9; 16]. Значительное количество лингвистических работ посвящено проблеме соотношения таких терминов (и, соответственно, их дефиниций), как *речевой стереотип*, *клише*, *штамп*, *речевой стандарт*, *шаблон* [1; 8; 12 и др.].

Как известно, стереотип — универсальное понятие, которое используется в различных отраслях лингвистики [15]. Так, в лингвокультурологии стереотип рассматривается как отражение типичных особенностей национальной культуры [10]. В социолингвистике — как речевой маркер определенной социальной группы [2]. С позиций психолингвистики стереотип исследуется как феномен языкового сознания [11]. В функциональной стилистике стереотип «представляет собой ядро стилевого узуса, которое соотносится с понятием коммуникативно-стилистической целесообразности речи (высказывания)»; высказывания, в свою очередь, «включаются в стереотип стиля в целом» [13. С. 398].

Несмотря на многообразие подходов, большинство исследователей рассматривают речевой стереотип как речевую формулу различной протяженности, обладающую устойчивостью и регулярной воспроизводимостью [См., напр.: 5; 7; 8; 14]. Предметом лингвистических дискуссий является круг языковых и речевых единиц, которые следует рассматривать как речевые стереотипы. Так, например, не все исследователи включают в число речевых стереотипов цитаты [8], формулы речевого этикета и др.

Притом что количество исследований, связанных с проблемой речевого стереотипа, чрезвычайно велико, проблемы функционирования речевого стереотипа в диалогическом взаимодействии изучены не столь основательно. В теории речевой коммуникации речевой стереотип изучается с точки зрения его отношения к коммуникативной ситуации и его роли в коммуникации [5; 7; 14 и др.]. Однако многие аспекты, связанные с функционированием указанных речевых единиц в коммуникативном процессе, изучены недостаточно полно.

Цель данного исследования — выявить интенции адресанта при использовании речевых стереотипов в диалогической коммуникации и таким образом определить прагматические функции данных речевых единиц.

Основными методами исследования являются метод коммуникативно-прагматического анализа, метод контекстуального и стилистического анализа.

Материалом исследования являются диалогические коммуникативные акты, представленные в различных типах дискурса, были использованы как реальные диалоги, так и диалоги из современных художественных произведений (всего 120 диалогических единиц).

В соответствии с поставленной целью были выбраны речевые стереотипы, которые обладают следующими параметрами:

- 1) способность выполнять функцию самостоятельной реплики в диалоге, то есть представлять собой законченное суждение, соответствующее структуре полного предложения;
- 2) прагматическая универсальность как возможность употребления в разных коммуникативных ситуациях, то есть такие речевые формулы, которыми «можно, что называется, свободно пользоваться независимо от того, какого рода коммуникативный акт предлагается» [5. С. 269];
- 3) содержательная аксиоматичность как для адресанта, так и для адресата. Данные стереотипы представляют собой банальные суждения. По определению В. И. Карасика, «под банализацией понимается сообщение общеизвестных фактов или тех знаний о мире и правилах поведения (о семантических и прагматических пресуппозициях), которые признаются участниками общения само собой разумеющимися» [4. С. 30];
- 4) относительная формальная устойчивость: структура таких стереотипов может несущественно варьироваться.

В типологии, предложенной Е. В. Клюевым, этим параметрам соответствуют три разновидности стереотипов:

- так называемые «общие места», которые автор определяет как «философские» банальности;
- тавтологические дефиниции (например, *дети есть дети*);
- «банальная цитация (обращение к общеизвестным фрагментам классических и современных текстов)» [5. С. 275].

Обратим внимание на то, что все эти речевые единицы становятся стереотипами, то есть приобретают широкую воспроизводимость, по разным причинам.

«Общие места» — это то, что принимается данным социумом как бесспорное суждение, то есть

своего рода ментальная аксиома (*родителей надо уважать, детей надо любить* и др.). Данные стереотипы не имеют жесткой словесной формы и структуры. Их речевое воплощение может варьироваться: *Каждая женщина хочет иметь детей. Все женщины мечтают о детях.* Главное свойство таких стереотипов — лапидарное и очевидное выражение идеи, безоговорочно принимаемой тем или иным сообществом.

Тавтологические дефиниции — это опустошенные с точки зрения прагматики и смысла высказывания, стереотипность которых обеспечивается исключительно за счет структуры: *А есть А*, где *А* — элемент, который обладает неограниченной вариативностью: *зима есть зима; математика есть математика; родители есть родители* и т. п.

То, что Е. В. Клюев называет банальной цитацией, можно определить как тиражируемые цитаты, которые становятся стереотипами именно в силу того, что данные высказывания приложимы к различным ситуациям, и это обеспечивает их повторяемость. Важно отметить, что источниками таких стереотипов могут быть не только произведения художественной литературы, но и публицистический, рекламный, политический дискурс и др. Ср.: *Иногда лучше жевать, чем говорить* (реклама); *Хотели как лучше, получилось как всегда* (В. С. Черномырдин) и т. п. Прагматическая универсальность (отсутствие связи с конкретной ситуацией) и, соответственно, высокая степень употребительности могут приводить к тому, что такие цитаты в сознании носителей языка отрываются от источника, то есть ни говорящий, ни слушающий в процессе коммуникации не связывают данное высказывание с конкретным текстом или автором и не воспринимают его как элемент, выходящий за рамки предложенного дискурса.

В диалоге развитие коммуникации обеспечивается меной коммуникативных ролей адресанта и адресата. Успешность и эффективность диалогического взаимодействия зависят от того, насколько последовательно участники передают друг другу коммуникативную инициативу. Речевые стереотипы, о которых идет речь, с точки зрения структуры и содержания представляют собой речевые единицы, которые фактически блокируют движение диалога. Реплика-стереотип не предполагает ответного речевого хода со стороны адресата, поскольку стереотип не несет для адресата никакой фактической информации и, следовательно, не выполняет никакой иллокутивной функции [6. С. 208; 7. С. 146].

Речевой стереотип как реплика-реакция используется для решения разных коммуникативных задач: 1) смена референта, 2) предотвращение коммуникативного конфликта; 3) захват коммуникативной инициативы; 4) прекращение коммуникации. Интенции говорящего при использовании реплики-стереотипа зависят от характера коммуникативного взаимодействия.

В неконфликтном диалоге говорящий использует речевой стереотип как сигнал смены референта в том случае, если тема разговора для него нежелательна. При этом прекращение коммуникации не является целью адресанта.

В качестве примера такого взаимодействия можно привести фрагмент бытового диалога.

Коммуниканты: А. и Б. — женщины, возраст — примерно 60 лет, давно знакомы, общаются периодически, тема разговора — семейные новости. В данном фрагменте референтом является Маша — взрослая дочь коммуниканта Б.

А. — Маша-то где работает?

Б. — Да пока нигде.

А. — А что так? Она же университет лет пять как закончила.

Б. — Ну она себя еще не нашла.

Очевидно, что для Б. референт (неработающая взрослая дочь) создает определенный коммуникативный дискомфорт, и она «закрывает» тему при помощи реплики-стереотипа: *Она себя еще не нашла.* Данный стереотип представляет собой публицистический штамп (стертая метафора), который явно диссонирует с разговорным стилем диалога. Если собеседник правильно «считывает» интенцию говорящего, то он меняет тему и разговор продолжается. В противном случае диалог может перерасти в коммуникативный конфликт.

В нарративном диалоге, где один из коммуникантов выступает как рассказчик, а второму отводится роль слушателя, реплика-стереотип может использоваться как сигнал того, что собеседнику данная тема неинтересна. Это происходит тогда, когда коммуникант-рассказчик не отслеживает реакцию адресата. Примером может служить реальная коммуникативная ситуация: молодой человек увлеченно рассказывает девушке про устройство одного из видов современного оружия, девушка рассеянно слушает и через некоторое время замечает: *«Да, оружие — штука опасная!»* В таких случаях речевой стереотип реализует тактики толерантного речевого поведения, выступая как косвенный речевой акт с имплицитированной интенцией.

В толерантном речевом поведении речевой стереотип также может быть использован в ситуации

несогласия с собеседником как способ ухода от потенциального конфликта. Как правило, в таких ситуациях говорящий использует неинформативные речевые стереотипы с максимальной степенью банализации: *жизнь — штука сложная; работа есть работа; все люди разные* и т. п. Такие стереотипы предполагают «множественность трактовок, множественность умозаключений о смысле сказанного» [2. С. 123].

Ср.: *Коммуникативная ситуация: бытовой разговор. Коммуниканты: С. и Л. — подруги, женщины 35—40 лет.*

Л. — Свет, а как мама?

С. — Ой, мама нас уже замучила! У нее же дача началась, семена, рассада какая-то... Каждый выходной начинается «а мне надо увезти, а мне надо привезти...». Только и мотаемся туда-сюда. Вот что за удовольствие в земле копать с утра до вечера?!

Л. — Ну... **Все люди разные...**

Реплика-реакция «*все люди разные*» представляет собой неинформативный речевой стереотип с максимальной степенью банализации. Это позволяет адресанту не выражать открыто свое несогласие с позицией адресата по отношению к референту (импликатура: *нет ничего плохого в том, что человеку нравится работать на даче*), в то время как адресат со своей стороны может трактовать такое высказывание как поддержку своей позиции (импликатура: *нет ничего плохого в том, что человеку не нравится работать на даче*).

В агрессивном речевом поведении реплика-стереотип используется для захвата коммуникативной инициативы. Речевой стереотип как закрытая синтаксическая структура с аксиоматическим содержанием реализует интенцию адресанта вытеснить адресата из коммуникативного пространства, то есть заставить его замолчать или прекратить общение. С этой целью чаще всего используются речевые стереотипы, представляющие собой «общие места» или банальные цитаты, которые с точки зрения говорящего призваны выполнить функцию неоспоримого аргумента.

Ср.: *Коммуникативная ситуация: разговор на работе сотрудников небольшой фирмы. Коммуниканты: Н. и Д. — коллеги, равного статуса, примерно одного возраста (около 30 лет).*

Н. — Даш, сделай справку для Н. Елена Николаевна сказала, надо сегодня.

Д. — А почему я? Ты же справки делаешь!

Н. — Какая разница! Я не успеваю!

Д. — А я успеваю?! У меня вон какой завал! **Каждый должен делать свою работу!**

В данной коммуникативной ситуации речевой стереотип «*каждый должен делать свою работу*» закрывает диалог: общение прекращается, коммуниканты расходятся по рабочим местам.

Таким образом, анализ употребления стереотипов в диалогической коммуникации позволяет сделать следующие выводы:

1. В диалогической коммуникации прагматическим потенциалом обладают речевые стереотипы, которые имеют следующие параметры: способность выполнять функцию самостоятельной реплики в диалоге, то есть представлять собой законченное суждение, имеющее структуру полного предложения; прагматическая универсальность как возможность употребления в разных коммуникативных ситуациях, содержательная аксиоматичность для адресанта и адресата, относительная формальная устойчивость.
2. Указанным параметрам соответствуют три разновидности речевых стереотипов: 1) общие места; 2) тавтологические дефиниции; 3) банальные цитаты.
3. Речевой стереотип как реплика-реакция может решать ряд коммуникативных задач, реализуя различные интенции адресанта в зависимости от типа коммуникативного взаимодействия: в неконфликтной коммуникации это сигнал смены референта и уход от коммуникативного конфликта, в агрессивном речевом поведении это способ захвата коммуникативной инициативы с целью вытеснения адресата из коммуникативного пространства.

Список источников

1. Буторина Е. П. Вновь о соотношении терминов стереотип — клише — штамп — норма — языковой стандарт и др. в описании речевой коммуникации // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы: материалы междунар. науч.-метод. конф.: в 2 ч. Ч. 1. М., 2006. С. 72—76.
2. Водоватова Т. Е. Социолингвистическое исследование функционирования штампов и клише в речевом общении // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 4. С. 121—128.

3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Карасик В. И. Банализация как манипулятивное действие в медиадискурсе // Медиалингвистика: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. семинара (С.-Петербург, 23—24 апр. 2015 г.). СПб.: СПбГУ, 2015. С. 30—33.
5. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие. М.: Рипол Классик, 2002. 320 с.
6. Кустова Г. И. Псевдovoпросы в псевдодиалоге // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2010. С. 208—214.
7. Кутькова А. В. Проблема речевого стереотипа: функциональный аспект // Древняя и Новая Романия. 2015. Т. 15, № 1. С. 141—151.
8. Кутькова А. В. К вопросу о языковом статусе речевых стереотипов // Вопросы иберороманистики. 2011. № 11. С. 86—97.
9. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
10. Прожилов А. В. К вопросу о стереотипах в лингвистике // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова: политематич. науч. журн. 2013. Вып. 6. С. 78—82.
11. Разумкова А. В. Стереотип в языковом сознании: Психолингвистический аспект // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 2. С. 260—266.
12. Сорокина Н. В. Стереотип, клише и штамп: проблема соотношения понятий в лингвообразовательном контексте // Профессиональное лингвообразование: материалы Шестой междунар. науч.-практ. конф. (1—15 июля). Н. Новгород: Нижегород. ин-т упр., 2012. С. 254—259.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
14. Третьякова Т. П. О лингвистической интерпретации современных стереотипов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 7, № 1. С. 201—208.
15. Щекотихина И. Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. Т. 1, № 5. С. 69—80.
16. Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 852 с.

References

1. Butorina EP. Vnov' o sootnoshenii terminov stereotip — klishe — shtamp — norma — jazykovej standart i dr. v opisanii rechevoj kommunikacii = Again on the relationship between the terms stereotype — cliché — stamp — norm — language standard, etc. in describing speech communication. In: Rechevaja kommunikacija na sovremennom jetape: social'nye, nauchno-teoreticheskie i didakticheskie problemy = Speech communication at the present stage: social, scientific, theoretical and didactic problems. Moscow; 2006. Pp. 72—76. (In Russ.).
2. Vodovatova TE. Sociolinguistic study of the functioning of clichés and clichés in speech communication. *Vestnik samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija = Bulletin of Samara Municipal Institute of Management*. 2016;(4):121-128. (In Russ.).
3. Zherebilo TV. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of Linguistic Terms. Nazran: Piligrim; 2010. 486 p. (In Russ.).
4. Karasik VI. Banalizacija kak manipuljativnoe dejstvie v mediadiskurse = Banalisation as a manipulative action in media discourse. In: *Medialingvistika = Media Linguistics*. St. Petersburg: SPbGU; 2015. Pp. 30—33. (In Russ.).
5. Kljuev EV. Rechevaja kommunikacija = Speech communication. Moscow: Rpol Klassik; 2002. 320 p. (In Russ.).
6. Kustova GI. Psevdovoproxy v psevdodialoge = Pseudo-questions in a pseudo-dialogue. In: *Logicheskij analiz jazyka. Mono-, dia-, polilog v raznyh jazykah i kul'turah = Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow: Indrik; 2010. Pp. 208—214. (In Russ.).
7. Kut'kova AV. The Problem of the Speech Stereotype: The Functional Aspect. *Drevnjaja i Novaja Romanija = Ancient and New Romance*. 2015;(1):141-151. (In Russ.).
8. Kut'kova AV. On the question of the linguistic status of speech stereotypes. *Voprosy iberoromanistiki = Issues of Iberoromanistics*. 2011;(11):86-97. (In Russ.).
9. Matveeva TV. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov = Complete dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don: Fenix; 2010. 562 p. (In Russ.).

10. Prozhilov AV. On the Question of Stereotypes in Linguistics. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Khakass State University named after N. F. Katanov: polythematic scientific journal*. 2013;(6):78-82. (In Russ.).

11. Razumkova AV. Stereotype in linguistic consciousness: Psycholinguistic aspect. *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: jazyki i special'nost' = Bulletin of RUDN University. Series: Educational Issues: Languages and Specialty*. 2017;(2):260-266. (In Russ.).

12. Sorokina NV. Stereotip, klishe i shtamp: problema sootnosheniya ponjatij v lingvoobrazovatel'nom kontekste = Stereotype, cliché and stamp: the problem of the relation of the concepts in a linguistic and educational context. In: Professional'noe lingvoobrazovanie = Professional linguistic education. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskij institut upravleniya; 2012. Pp. 254—259. (In Russ.).

13. Kozhina MN (ed.). Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language. Moscow: Flinta: Nauka; 2003. 696 p. (In Russ.).

14. Tret'jakova TP. On linguistic interpretation of modern stereotypes. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad Pushkin university*. 2015;(1):201-208. (In Russ.).

15. Shchekotihina IN. Stereotype: aspects and perspectives of research. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad Pushkin university*. 2008;(1-5):69-80. (In Russ.).

16. Skovorodnikova AP (ed.). Effektivnoe rechevoe obshhenie (Bazovye kompetencii). Slovar'-spravochnik = Effective Speech Communication (Basic Competences). Reference Dictionary. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet; 2014. 852 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. А. Воронцова — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Tatyana A. Vorontsova — Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 25.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 25.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.